

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

Е. Г. КОСТРИКОВА

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ
ИНТЕРЕСЫ
РОССИИ
И СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС

Идейная борьба в российском обществе
в начале XX века

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва
2017

УДК 94:327(47+57)
ББК 66.4(0)
К 72

Кострикова, Елена Гавриловна

К 72 Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. — М.: Кучково поле, 2017. — 384 с. — (Геополитический ракурс)

ISBN 978-5-9950-0806-4

Книга Е. Г. Костриковой посвящена одному из ключевых вопросов внешней политики России. С Балканами и Ближним Востоком были связаны важные геополитические интересы государства. В то же время в этом регионе сталкивались интересы всех великих держав. Не случайно именно на Балканах раздался выстрел, послуживший сигналом к началу Первой мировой войны.

В обстановке нараставшей в мире напряженности возродилась идея объединения славян как ответ на угрозу пангерманизма. Актуальность и в то же время сложность проблемы привлекала к ней внимание русского общества — политиков, публицистов, ученых. В книге анализируются пути решения славянского вопроса, предлагавшиеся представителями разных политических направлений и партий.

Исследование основывается на широком круге источников: архивных документах, материалах прессы, публицистике и мемуарной литературе.

УДК 94:327(47+57)
ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-9950-0806-4

© Кострикова Е. Г., 2017
© ООО «Кучково поле»,
оригинал-макет, художествен-
ное оформление, 2017

Введение

Основные геополитические факторы, определявшие внешнюю политику России на протяжении ряда столетий, сохранили свое значение и в начале XX в. Среди великих держав Российская империя занимала особое место. Исключительно выгодное географическое положение с выходом к трем океанам, огромная территория, охватывающая значительную часть Европы и Азии, с гигантской протяженностью границ, богатейшие природные ресурсы, многомиллионное и многонациональное население, объединенное общей историей и традициями, — все это делало Российскую империю уникальным государством.

Английский посол А. Никольсон, один из немногих иностранцев, сумевших проникнуть в тайны «загадочной русской души», однажды сказал: «Я придерживаюсь мнения, что одной из наиболее характерных черт этой единственной в своем роде страны является терпение и молчание, с которым она получает и переносит испытания, которые сломили бы дух многих других рас. Верно, что Россия легко огорчается и так же легко начинает гордиться, но ее весьма трудно привести в полное отчаяние. Она может оплакивать свою судьбу или уноситься в вихре возбуждения, но у нее есть огромная терпеливая решимость, хотя это как бы и не соответствует одно другому»¹.

Российская империя являлась частью мирового политического пространства, а там происходили глубокие перемены. Изменялось соотношение сил не только в Европе, но и в мире в целом. Россия продолжала играть роль великой державы, но ей приходилось все чаще сталкиваться с соперниками даже в тех регионах, где она традиционно имела значительное влияние. В борьбу за передел сфер влияния активно включились Германия, США и Япония. Стремление к мировому господству со временем привело к формированию двух военно-политических блоков великих держав — Антанты и Тройственного союза, которым предстояло вступить в схватку в ходе Первой мировой войны.

Едва начавшись, XX в. принес крупные международные конфликты. За Дальним Востоком последовали Балканы, Ближний и Средний Восток. Десятилетие между 1904 и 1914 гг. вместило

в себя Итало-турецкую и две Балканские войны, Марокканский, Боснийский, Агадирский кризисы и др. Российская империя, обладавшая самой большой в мире армией, представляла собой важного союзника для каждой из двух создававшихся группировок. В экономической области Россия, хотя и достигла на рубеже веков значительных успехов, явно уступала большинству своих партнеров и соперников. В новой системе международных отношений наша страна должна была найти свое место в соответствии с ее государственными и национальными интересами. Над этим работала российская дипломатия, об этом задумывались многие политики, ученые и общественные деятели страны. В противостоянии между Германией и Великобританией Россия оказалась на стороне последней. Однако решение это было принято не сразу и разделялось не всеми. Длительное время царской дипломатии, опасавшейся военного столкновения в Европе, удавалось придерживаться тактики балансирования.

Политики, публицисты и общественные деятели, о которых в дальнейшем пойдет речь, находились на разных идейных позициях, но все они были прекрасно образованными людьми. Среди них было немало ученых, знакомых с новейшими трудами зарубежных коллег. Многие не понаслышке знали и политическую практику других стран. Исследуя прошлое, они пытались предугадать будущее и не могли не видеть, что России на разных этапах истории приходилось решать схожие внешнеполитические задачи. Ощущение, что страна находится на очередном переломе, возможно, роковом, заставляло их искать единственно правильный путь, опираясь на великие достижения прошлого и гигантские возможности огромной и богатой страны. В 1908 г. идеолог панславизма А. А. Башмаков предупреждал: «Мы на рубеже новой эпохи. Перед нами время, которое мы сумеем использовать для более достойного будущего»². Тогда же ведущий публицист «Нового времени» М. О. Меньшиков предсказывал: «Вместе с целым светом Россия стремительно входит в новый, страшно сложный международный век. Поле дипломатии расширилось на весь земной шар. Горизонты раздвинулись, границы стран сделались зыбкими как никогда. Вместо одного Востока у нас явилось несколько Востоков, один опаснее другого. Отдаленные, не граничащие с нами страны начинают, подобно Америке, оказывать тяжелое давление на наши колонии. Ди-

пломатия в этих условиях приобретает характер непрерывной, самой ответственной перед родиной, самой зоркой стражи»³.

По сути, это суждение весьма близко к тому выводу, который сделал один из основоположников современной геополитики английский ученый Х. Дж. Маккиндер в 1904 г.: «Отныне... нам придется иметь дело с замкнутой политической системой, и вполне возможно, что эта система будет системой глобального масштаба»⁴.

Термин «геополитика» в начале XX в. не вошел еще в обиход, русские политики и ученые им не оперировали. Тем не менее в своих размышлениях о судьбах России они неизменно обращались к проблеме связи политической истории страны с ее географическим положением, местом в ряду других государств. В 1906 г. Меншиков писал: «Позвольте напомнить кое-что, начиная с географии и истории. Россия <...> самая континентальная из великих держав. <...> Россия замкнута в — отсюда ее стремление к океану. <...> Для всестороннего подъема наций необходимо обладание не одной стихией, а двумя — водой и сушей...»⁵ Геополитический подход в оценке исторической роли России проявляли представители разных политических партий и течений — консерваторы и националисты, либералы и демократы. Особое значение географическим и национальным факторам придавал, к примеру, военный историк и юрист генерал М. М. Бородин, относивший себя к последователям славянофилов: «Интересы каждого государства слагаются из разных обстоятельств, но главным образом из географического его положения и национальных стремлений его населения. Мы — прежде всего славяне. <...> Нам немыслимо, следовательно, отделиться от Ближнего Востока. Связь с Балканским полуостровом началась на заре нашей истории. <...> Со времен Рюрика началось движение северных славян на юг и естественное тяготение и стремление к воссоединению»⁶.

Дипломат М. А. Таубе шел еще дальше. Следуя учению славянофилов, он верил в великое предназначение России: «Ей суждено сроднить и примирить две противоположные стороны одного и того же материка Азо-Европы, среднего по географическому положению, величайшего по объему, старо-древнего по историческому возрасту и передового по развитию. Среднему миру сего материка — славянству, с Россией внутри и с Москвой в средоточии, предстоит связать самостный (эгоистический) деятельный и энергичный (сильный волею) запад Азии (Европу)

с обеспеченным, усиленным (апатичным) ее востоком и югом (собственно Азией). Сему среднему миру надлежит объединить активный индивидуализм с пассивным буддийским нирванизмом. Этот связывающий и скрепляющий средний мир должен явиться ядром объединения и сплочения всего материка Европо-Азии, или Евразии»⁷.

Одним из первых в России проблемами геополитики всерьез заинтересовался редактор журнала «Славянский век» Д. Н. Вергун. Журналист и философ, родом из Галиции, он был горячим сторонником идеи всеславянского объединения. Проживая в начале XX в. в Австро-Венгрии, Вергун имел возможность детально ознакомиться с трудами немецких ученых, в том числе с книгами одного из родоначальников геополитики Ф. Ратцеля. Все прочитанное зародило в нем тревогу за будущее России. Стремясь предостеречь славянство от надвигающейся опасности, он написал книгу «Немецкий “Drang nach Osten” в цифрах и фактах. С картой немецких захватов на славянской земле», изданную в Вене в 1905 г.

Те процессы, которые в наше время принято называть глобализацией, обозначились уже в начале в XX в. Именно тогда, с развитием новых средств коммуникации, у современников возникло ощущение человечества как единого целого. Об этом говорили и консерваторы, и либералы, и демократы. Информационный прорыв, который обеспечило появление радиосвязи, произвел сильнейшее впечатление на М. О. Меньшикова. Он предвидел огромные последствия, к которым приведет это открытие. В статье «Всемирный союз», опубликованной в 1902 г., он писал: «Свершилось одно из важнейших событий, открывающих, может быть, новую эру в человечестве. <...> Подумайте, какие открываются горизонты! <...> Уже и теперь — с электрическими дорогами, телеграфами, телефонами — человечество достигло поразительной степени объединения». Сознывая, что научно-технические достижения не всегда приносят благо, Меньшиков все же хотел надеяться на лучшее: «Человечество превращается во всемирный собор, где есть, правда, враждебные партии в виде отдельных наций и сословий, но где уже возможен голос, всеми единовременно слышимый, возможно одновременное внимание к одной и той же мысли. Это много значит». И так думали многие. В 1910 г. один из авторов либерального «Вестника Европы» писал: «Наш век — время мирового единения. Люди, разделенные тысячами километров и десятками тысяч верст, чувствуют теперь себя

ближе друг к другу, нежели жители соседних городов лет сто тому назад. Понятие человечества перестает быть абстрактным, чувство принадлежности к великой человеческой семье растет не по дням, а по часам»⁸. Представитель правого лагеря барон Р. Р. Розен, дипломат, впоследствии сенатор, тоже представлял Россию членом мирового сообщества, но ограничивал его по расовому признаку. На заседании Государственного совета он говорил: «Как ни велико наше отечество, как ни велико его могущество, тем не менее мы лишь члены равноправной семьи культурных народов белой расы, с судьбами которых судьба наша неразрывно связана»⁹.

И правительственные сферы, и русское общество в эти годы находились под гнетом унижительного поражения в войне с Японией и больше всего опасались повторения подобной трагедии. «Влияние Мукдена и Цусимы оказалось роковым не только в области нашей дальневосточной политики. Вся наша внешняя политика с тех пор носит печать нашей тяжелой неудачи на Дальнем Востоке», — признавал лидер кадетов П. Н. Милюков¹⁰. Свежи в памяти были и события Первой русской революции. Угроза грядущих внутренних и внешних потрясений витала в воздухе.

10 мая 1907 г., выступая в Государственной думе, премьер-министр П. А. Столыпин произнес ставшую знаменитой фразу о том, что стране нужны не великие потрясения, а Великая Россия. О Великой России мечтали политики и общественные деятели, придерживавшиеся самых разных взглядов, но каждый представлял это величие по-своему. Различным было и отношение к правительственной политике. Крайне правые исходили из того, что, согласно основному закону страны, главным вершителем внешней политики является государь император, и считали недопустимым вмешиваться в его prerogatives. Они категорически возражали против обсуждения внешнеполитических проблем в Государственной думе. Нечасто обращались к этим темам и их рупоры — «Земщина», «Русское знамя» и др. Что касается левых, прежде всего социал-демократов, то их позиция была четко сформулирована и заключалась в принципиальном неприятии внешнеполитического курса, избранного царским самодержавием и состоявшего, по их мнению, в захватнических планах и действиях в отношении более слабых государств. Выступая в декабре 1908 г. в Думе, большевик И. П. Покровский от имени фракции заявил: «Мы принципиальные противники политики современных европейских буржуазных правительств... которая сводится к тому,

что эти правительства за спиной народа производят те закулисные соглашения, в которых более сильными державами решаются судьбы более слабых физически и экономически держав, народов и национальностей... эти соглашения, с нашей точки зрения, есть не что иное, как собственно торг хищников, желающих поживиться за счет слабого. Но такие соглашения кончаются иногда далеко не мирно, а кончаются схватками хищников, кончаются международными войнами, а уж в этих событиях приходится участвовать народу и платить за эти соглашения народу своей кровью и своими кровными деньгами»¹¹. Для националистов тема Великой России была главной, и они разрабатывали ее весьма энергично.

Интенсивная разработка проблем, связанных с историческими перспективами России, шла в среде либералов. При этом во взглядах идеологов этого направления можно отметить существенные различия. П. Б. Струве, начинавший как легальный марксист, к тому времени был правым кадетом с заметным националистическим уклоном. П. Н. Милюков, признанный лидер кадетов, видел будущее России на пути, проложенном основательницей европейского парламентаризма Великобританией. Сложность и острота международной и внутривластной обстановки заставляла кабинетных ученых оставлять на время научные труды и переходить к решению конкретных политических задач. В руководстве кадетской партии наряду с Милюковым, признанным специалистом в области внешней политики, был историк и юрист С. А. Котляревский. Он принадлежал к правому крылу кадетов. В свое время вместе с П. Б. Струве он участвовал в создании «Союза освобождения».

Еще один видный либерал — Е. Н. Трубецкой, философ, профессор Московского университета, был основателем Партии мирного обновления, трансформировавшейся в 1912 г. в Партию прогрессистов. Он издавал популярный в среде либеральной интеллигенции журнал «Московский еженедельник». Его брат, Г. Н. Трубецкой, начинал свою карьеру в Министерстве иностранных дел, куда и вернулся в 1912 г., заняв пост начальника Ближневосточного отдела. Он обладал глубокими познаниями в истории внешней политики России и был опытным дипломатом. В своих политических пристрастиях он колебался между кадетами и октябристами. Даже во время длительного перерыва, вызванного общественной деятельностью, Г. Н. Трубецкой не терял связи с МИД, поддерживая, как и Милюков, личные контакты с министрами иностранных

ГЛАВА III

Боснийский кризис и славянское движение в России

§ 1. Влияние аннексии Боснии и Герцеговины на развитие славянского объединительного движения

Военное поражение, нанесенное России Японией, страной, не входившей в число великих держав, тяжело переживалось русским обществом. Вину за национальное унижение возлагали и на дипломатов, оказавшихся неспособными защитить государственные интересы. В прессе развернулась кампания с требованием обновить дипломатическое ведомство, привести его структуры в соответствие с требованиями современной международной политики.

Этот призыв был услышан, и весной 1906 г. на пост министра иностранных дел был назначен А. П. Извольский. Он сменил В. Н. Ламздорфа, опытного дипломата, обладавшего широким кругозором и глубокими познаниями в области международных отношений. В то же время граф Ламздорф был представителем старой дипломатической школы, по стилю работы он больше соответствовал XIX, чем XX столетию. При нем российский МИД имел репутацию одного из самых консервативных государственных учреждений. Новый министр был совершенно другим человеком, еще не старым (ему было 50 лет) и весьма амбициозным. Ламздорф прошел свой карьерный путь в центральном аппарате МИД. В противоположность предшественнику Извольский сформировался как профессионал на службе за рубежом и впитал в себя приемы европейской дипломатии. Будучи умеренным либералом, он считал не только возможным, но и полезным сотрудничество с лояльно настроенными представителями общественности. Такой подход вполне соответствовал общеполитической обстановке в России, сложившейся после революции

1905–1907 гг. и связанной с появлением представительных учреждений и политических партий.

С приходом Извольского началось реформирование МИД, и было положено начало кардинальному изменению курса внешней политики России, которая вновь повернулась лицом к Европе. Одним из первых шагов нового министра было заключение 18 (31) августа 1907 г. соглашения между Англией и Россией по делам Персии, Афганистана и Тибета. Соглашение сыграло решающую роль в окончательном оформлении Антанты.

А. П. Извольский надеялся, что, пойдя навстречу Англии в Азии, Россия могла бы рассчитывать на поддержку с ее стороны на Ближнем Востоке и, прежде всего, в вопросе о Черноморских проливах. Эта тема особенно волновала нового министра, мечтавшего остаться в истории дипломатом, сумевшим разрешить эту сложнейшую проблему. Казалось, для таких надежд имелись некоторые основания. В ходе переговоров с Россией о Персии английский министр иностранных дел Э. Грей намекнул: «Если происходящие сейчас переговоры приведут к удовлетворительному результату, это окажет такое действие на английское общественное мнение, что значительно облегчит обсуждение вопроса о проливах, если он впоследствии возникнет»¹. Однако, вопреки ожиданиям Извольского, Англия никаких конкретных обязательств на себя не взяла. Тема проливов была поднята Извольским во время Ревельского свидания Николая II и Эдуарда VII, состоявшегося 27–28 мая (9–10 июня) 1908 г. Английский король был убежденным сторонником англо-русского сближения, что подкреплялось его личной неприязнью к Вильгельму II. Ответ Эдуарда VII обнадежил русского министра и побудил к более решительным действиям.

В балканской политике для России ключевыми были отношения с Австро-Венгрией. В свое время, готовясь к активизации действий на Дальнем Востоке, русская дипломатия постаралась обеспечить стабильность в отношениях с империей Габсбургов. Соглашениями 1897 и 1903 гг. обе державы подтвердили принцип поддержания status quo в регионе. Однако к началу 1908 г. обстановка на Балканах уже не давала оснований надеяться на сохранение стабильности. Об этом Извольскому сообщали, ссылаясь на добытые оперативным путем сведения, военный министр А. Ф. Редигер и начальник Генерального штаба Ф. Ф. Палицын². Тревогу вызывала возможность смены курса правительством Болгарии и обострение болгаро-турецких отношений из-за Македонии. Но

еще более опасным было изменение ближневосточной политики самой Австро-Венгрии.

В январе 1908 г. граф Эренталь выступил в венгерском парламенте с речью, которая свидетельствовала о намерении Вены расширить свое присутствие на Балканах. Австрийский министр иностранных дел объявил о планах постройки железной дороги, которая должна была связать австро-боснийскую железнодорожную сеть с турецкой линией, идущей от Митровицы до Салоник. Новая дорога открывала широкие перспективы для экономического влияния Габсбургской монархии в регионе, прилегающем к Средиземному морю. По Берлинскому трактату Австро-Венгрия имела право сооружать дороги в Новопазарском санджаке, который, тем не менее, оставался под контролем турецкой администрации. План устройства прямого железнодорожного сообщения между Веной и Салониками вынашивался австрийскими властями давно. Но этим замыслы австрийского правительства не исчерпывались. В начале 1908 г. в Вене пришли к выводу, что настало время отказаться от Мюрцштегского соглашения 1903 г., обеспечивавшего *status quo* на Балканах. Австро-Венгрия решила аннексировать Боснию и Герцеговину — славянские провинции, находившиеся, в соответствии с Берлинским трактатом, под ее оккупацией.

А. П. Извольский, которому стало известно о планах австрийского правительства, понимал, что Россия не располагает действенными средствами предотвратить аннексию. Поэтому он пошел по другому пути. Бесплезным протестам министр предпочел соглашение о компенсациях. По мнению Извольского, австрийскому проекту железной дороги с северо-запада на юго-восток следовало противопоставить линию, идущую с северо-востока на юго-запад, от Дуная до Адриатического моря — через Ниш, Старую Сербию и Албанию до Скутари, с ветками до Антивари в Черногории и до Медуй в Турции. Такой проект уже существовал и находился в стадии разработки. Но главный замысел Извольского состоял в том, чтобы, воспользовавшись моментом, добиться наконец изменения невыгодного для России режима Черноморских проливов. В этих смелых планах министра иностранных дел вдохновляла благоприятная, как он считал, международная обстановка. На стороне России, были державы Антанты — в этом он не сомневался. Не ожидал он серьезных препятствий и со стороны Германии.

Новая внешнеполитическая программа Извольского — отказ от «замораживания» Восточного вопроса — стала предметом обсуждения на Особом совещании, состоявшемся 21 января (3 февраля) 1908 г. В нем приняли участие министры и военное руководство. Предметный разговор показал, что состояние вооруженных сил страны в данный момент не допускает никаких резких шагов. Помощник военного министра А. А. Поливанов доложил, что приведение армии в полный порядок потребует громадных средств и долгого времени. Начальник Генерального штаба Ф. Ф. Палицын и морской министр И. М. Диков признали, что Черноморский флот в настоящий момент не готов к военной операции против Турции на море. Поэтому П. А. Столыпин категорически заявил: «Иная политика, кроме строго оборонительной, была бы в настоящее время бредом ненормального правительства». Извольскому было рекомендовано в случае осложнений на Балканах надеяться лишь на дипломатическое искусство³.

4 апреля 1908 г., выступая перед депутатами Государственной думы, А. П. Извольский изложил свой взгляд на вопросы ближневосточной политики. Оценивая соглашения, заключенные Россией с Австро-Венгрией в 1897 и 1903 гг., он подчеркнул, что принял это наследие от своего предшественника в минуту, когда «Россия, потрясенная беспримерно тяжелой войной и еще более тяжелыми внутренними смутами, нуждалась в прочном обеспечении от всяких внешних осложнений». Затронув вопрос о Санджакской дороге, министр иностранных дел заметил, что железнодорожное строительство, осуществляемое австрийцами на Балканском полуострове, преследует не только экономические, но и политические цели, однако препятствовать этому не следует во избежание военных осложнений. Касаясь македонских реформ, он признал, что это дело, к сожалению, остановилось на полдороге. Но, «проектируя те или другие изменения в гражданском строе Македонии, мы, прежде всего, должны иметь в виду необходимость самым тщательным образом избегать всего, что могло бы быть сочтено султаном нарушением его верховных прав». В заключение Извольский заявил, что Россия не ищет никаких территориальных приобретений на Балканском полуострове и стремится лишь к сохранению status quo⁴.

В ходе состоявшейся дискуссии выяснилось — такое мнение разделяется не всеми. П. Н. Милюков признал неудовлетворительной ту политику, которая осуществлялась на Балканах в предшеству-

ющий период. В то время, когда другие державы укрепляли свое экономическое и политическое влияние в регионе, позиции России значительно ослабли. Причиной тому, по мнению кадетского лидера, были невыгодные договоры, заключенные с Австро-Венгрией в 1897 и 1903 гг. Такие заявления, фактически, заключали в себе призыв к отказу от соблюдения Мюрцштегских соглашений в дальнейшем. Милюкову возражали правые, Балаклеев и Пуришкевич, опасавшиеся внутривосточных осложнений, а потому призывавшие к осторожной политике. Трудовик Розанов осудил политику вмешательства в дела других стран, указав, что дипломатическое ведомство «мало отстаивало истинные интересы русского государства»⁵. С резким осуждением внешней политики царского правительства выступил также большевик И. П. Покровский. По его мнению, единственное, что могло бы существенно улучшить положение македонцев, это создание автономного, независимого от Константинополя генерал-губернаторства, а также сокращение турецких войск в пределах Македонии. Но этот единственно справедливый путь отвергается, а взамен предлагаются все те же реформы, о которых безрезультатно говорят последние пять лет. Таким образом, «в Македонии правительство русское является не на поддержку братьев-славян, а на поддержку султана»⁶.

Вопреки мнению правительства, предупреждениям премьера П. А. Столыпина и собственным заявлениям в Думе о неизбежности принципа *status quo* на Балканах, летом 1908 г. Извольский приступил к исполнению своего плана. В начале июля он направил австрийскому правительству меморандум с предложением договориться об аннексии Австрией Боснии и Герцеговины в обмен на изменение конвенции о Черноморских проливах в пользу России. Извольский имел в виду ситуацию, когда *status quo* уже невозможно будет сохранить, и подчеркивал, что пересмотр Берлинского трактата возможен только с согласия держав, его подписавших.

Австрийское правительство, не откладывая дела в долгий ящик, приняло окончательное решение об аннексии, договорившись с князем Фердинандом об одновременном объявлении независимости Болгарии. Из ответа на меморандум, полученного от Эренталя, Извольский сделал вывод о том, что аннексия — вопрос ближайшего времени. Обнадеживало его то, что венский кабинет связывал аннексию с вопросом о проливах. Надо сказать, что министр отдавал себе отчет в том, что аннексия Боснии и Герцеговины «явится материальным фактом», тогда как согласие Ав-

стрии на разрешение вопроса о проливах «будет носить характер отвлеченный и секретный»⁷.

Вместе с тем Извольский предвидел, что даже малейший намек на передачу славянских территорий австрийцам вызовет резкое неприятие в русском обществе. Поэтому он заблаговременно позаботился об информационной поддержке в прессе. Извольский писал своему заместителю Н. В. Чарыкову: «Считаю долгом обратить Ваше особенное внимание на необходимость приготовить, а в решительный момент направить нашу печать и общественное мнение, которые весьма легко могут пойти по ложному пути»⁸. К делу был подключен директор Санкт-Петербургского телеграфного агентства А. А. Гирс, в недавнем прошлом возглавлявший Отдел печати МИД и имевший обширные связи в журналистской среде⁹.

2–3 (15–16) сентября в Бухлау состоялось свидание Извольского с Эренталем, имевшее весьма значительные последствия. Во время переговоров на стороне австрийского министра иностранных дел были известные преимущества. Он провел в Петербурге большую часть своей дипломатической службы — в общей сложности около 30 лет. Последние семь лет — до назначения в 1906 г. министром — в должности посла, поэтому был близко знаком со многими русскими дипломатами. С Извольским судьба свела Эренталья в конце 1890-х гг. в Бухаресте, где он три года был австрийским посланником при румынском дворе. Видимо, Эренталь неплохо изучил особенности характера своего русского коллеги, что и помогло ему добиться желаемых результатов в длительных и непростых переговорах в Моравии, замке Бухлау, принадлежавшем графу Л. Берхтольду.

В обмен на признание аннексии Боснии и Герцеговины Австрия дала согласие на компенсации для России и балканских государств. Австрийская сторона обещала в случае распада Османской империи восстановить границы Сербии и Черногории, предусмотренные Сан-Стефанским трактатом, а также обязалась поддержать перед Германией требование о том, чтобы все суда России и других черноморских государств получили право свободно проходить через Босфор и Дарданеллы. Было достигнуто также соглашение о провозглашении Болгарии независимым государством. Извольский был вполне удовлетворен. Доволен был и Николай II: «Это было бы решением векового вопроса. Я буду помнить 8 сентября 1908 года»¹⁰.

Между тем все это время российское правительство во главе с премьером оставалось в полном неведении. Товарищ министра иностранных дел Н. В. Чарыков сообщил о достигнутых соглашениях с Австрией лишь 19 сентября. П. А. Столыпин и министр финансов В. Н. Коковцов были поражены тем, что так поздно узнают «о деле столь громадного и исторического значения, затрагивающем интересы внутреннего состояния империи»¹¹. Реакция была бурной. «В Совете министров Коковцов так кричал, что было неприлично. Какофония ужасная. Общая злость на нас не поддается описанию. В особенности зол Столыпин», — делился впечатлениями с директором канцелярии МИД А. А. Савинским его приятель и сослуживец Н. В. Поггенполь¹².

Совет министров единодушно отверг идею компенсаций, считая, что если Россия не может предотвратить аннексию Боснии и Герцеговины, она «должна явиться на конференции защитницей интересов своих, Турции и балканских государств, а отнюдь не пособницей или укрывательницей Австро-Венгрии»¹³. Узнав об этом решении, Извольский понял, что дело принимает совсем не тот оборот, на который он рассчитывал. Однако он не прервал свою заграничную поездку, как настаивало правительство, надеясь, что переговоры в Лондоне, Париже и Берлине дадут положительный результат.

Одновременно министр иностранных дел продолжал инструктировать Чарыкова: «Еще раз с особой настойчивостью считаю долгом обратить Ваше внимание на необходимость подготовить общественное мнение и печать»¹⁴. Извольский рекомендовал воздействовать не только на влиятельное «Новое время», но и на либеральные издания, а также обратиться к лидерам либеральных партий — А. И. Гучкову и П. Н. Милюкову. Гучков пошел навстречу и, выступая в клубе «17 го октября», представил положение в благоприятном для русской дипломатии свете, сделав намек на возможность решения вопроса о Черноморских проливах. Чарыков успокоил Извольского: «Гучков... обещает полную поддержку своей фракции». После доверительного совещания А. А. Гирса с редакторами газет «Новое время», «Слово» и «Речь» Чарыков сделал вывод, что «печать в достаточной мере в наших руках»¹⁵. Но это был поспешный вывод. Как раз в тот день, когда он докладывал царю о своих успехах, один из ведущих сотрудников «Нового времени» К. С. Тычинкин писал владельцу газеты А. С. Суворину: «...сущность дела хуже, чем можно догадаться... Наше, русское,

согласие получено в простых переговорах между чиновниками... Нет на свете дипломатии подлее нашей...»¹⁶

24 сентября Австро-Венгрия официально объявила об аннексии, подчеркнув, что совершает этот акт с ведома и согласия России. О том, какое впечатление это известие произвело в Сербии, можно судить по словам Р. Кошутича: «Сразу почувствовалось, что страшная опасность угрожает чему-то самому кровному, самому родному, без чего дышать невозможно; что австрийское кольцо сомкнется, и вот-вот задушит всю жизнь маленькой, свободной страны». Доцент Белградского университета задавал болезненные для сербов вопросы: «Неужели идея объединения, для которой сербское племя пролило столько крови и перенесло столько жертв, неужели эта идея теперь похоронена раз навсегда? <...> Не будет ли тогда и существование Сербии только вопросом времени?»¹⁷ Кошутич призвал Россию не признавать аннексию.

В самой Сербии, в центре Белграда около памятника князю Михаилу собралась тридцатитысячная толпа. С балкона Национального театра Любомир Давидович, один из вождей молодых радикалов, заявил: «Этим актом нарушается равновесие между балканскими государствами в ущерб сербскому племени, к стыду держав, подписавших Берлинский договор». Любомир Йованович, профессор Белградского университета и председатель Скупщины, сказал, что если бы вопрос решался путем плебисцита, то народ Боснии и Герцеговины высказался бы против аннексии. Самую пламенную речь произнес депутат Скупщины Воислав Маринкович: «Покажем и теперь, что мы, правда, раз потеряли свою независимость, но потеряли на поле сражения, а никогда не дарили своего государства никому». Страсти накалились до предела. Под национальными флагами с криками: «Долой Австрию!» демонстранты направились к итальянскому, французскому и английскому посольствам. Во время массовых акций мимо российского посольства проходили в гробовом молчании, опустив голову, так как из австрийских источников уже было известно о том, что Россия дала согласие на аннексию. Но многие сербы отказывались верить этому¹⁸.

В русской прессе поднялась настоящая буря. Громче всех негодовало «Новое время»: «Невозможно же, чтобы Россия осталась равнодушной свидетельницей того, как немцы поджигают Балканы со всех сторон и распоряжаются славянами, как бессловесным стадом?»¹⁹ В МИД России вынуждены были признать: «В настоящее

время нет общественного круга, нет органа печати, который не обрушивал бы свое негодование на Министерство иностранных дел»²⁰. Н. В. Чарыков докладывал Николаю II: «...в русских правительственных кругах и в печати замечается возрастающее нерасположение к самой мысли о совместных действиях России с Австро-Венгрией». На что царь заметил: «Довольно понятное нерасположение»²¹.

Сам по себе факт провозглашения независимости Болгарии в русском обществе был воспринят скорее положительно, как справедливый и закономерный. Однако нельзя было игнорировать того, что государство, обязанное своей свободой России, не послушалось ее совета и выступило несвоевременно, пойдя таким образом на поводу у Дунайской монархии. Один из руководителей Петербургского славянского общества П. Д. Паренсов считал, что, подстрекаемая Австрией, Болгария «за блеском царской короны не рассмотрела предательского крючка, на который и напоролась»²². «Новое время» прямо осуждало Фердинанда, который «взял из рук Австрии заветный ключ и открыл немцам дверь к тому святилищу, где хранились остатки славянских свобод». П. В. Лавров видел основную причину случившегося в ошибочной политике, проводимой русской дипломатией в отношении Болгарии. Он считал, что Болгарию напрасно выдвигали на первый план. Тем не менее, при всех допущенных ошибках, нельзя не видеть главного: «Россия сделала для Болгарии чрезвычайно много. Русские блестяще организовали болгарскую армию, оказали Болгарии материальную поддержку»²³. Такого же мнения было и «Русское слово». Заглядывая в будущее, автор статьи в либеральной газете предсказывал возможность изменения общего курса болгарской политики в ближайшем будущем: «Мы просмотрели Болгарию... Австрия и Болгария связаны теперь незримыми узами»²⁴. Между тем трудовики, представлявшие в Государственной думе революционную буржуазную демократию, приветствовали провозглашение независимой Болгарии²⁵.

В то же время влиятельные силы в русском обществе сочли момент подходящим для того, чтобы и Россия заявила о своих интересах. Нарушение Австро-Венгрией порядка, определенного на Берлинской конференции в 1878 г., по их мнению, создало повод для возбуждения вопроса о Черноморских проливах. «Голос Москвы», за которым стояли представители крупной буржуазии, заговорил об адекватном ответе: «Теперь уже вопрос только в том,

чем удовлетворятся заинтересованные державы, что потребует каждая из них в качестве компенсации для того, чтобы не было нарушено политическое равновесие в Европе?» Рупор октябристов был не одинок. Хорошо информированные «Биржевые ведомости», имевшие прямой выход на Извольского, рассуждали следующим образом: «Если Австро-Венгрия не находит больше нужным считаться с постановлением Берлинского трактата, то и Россия может с ним не считаться там... где обстоятельства того требуют». Решительным тоном заговорила и кадетская «Речь»: «Теперь, после новых ударов, нанесенных ветхому клочку бумаги, можно сказать, что Берлинский трактат в целом перестал существовать». Подготовительная работа, проведенная Н. В. Чарыковым и А. А. Гирсом, в этом вопросе, видимо, пока приносила плоды.

Но были и те, кто отвергал всякую мысль о компенсациях. «Русские ведомости», которые называли «профессорской газетой», твердо заявили: «Русское влияние на Балканах всегда ограничивалось моральной сферой»²⁶. На собрании Петербургского славянского общества идеолог панславизма А. А. Башмаков заявил: «Россия никогда не признает этого акта, равносильного уничтожению сербского народа, низвержению России из круга великих держав!»²⁷

А. А. Гирс постепенно пришел к неутешительному выводу, что секретные собеседования с представителями печати «при теперешних настроениях цели не достигнут». Директор Канцелярии МИД А. А. Савинский, сопровождавший Извольского в заграничной поездке, получил известие: «У Гирса на днях было собрание журналистов, на котором Пиленко высмеивал А. А. (Гирса. — *Примеч. авт.*)»²⁸. Подробности встречи позднее сообщил петербургский корреспондент «Daily News»: во время совещания Гирса с влиятельными публицистами один из приглашенных ударил кулаком по столу и воскликнул: «Если г. Извольский продал славянские интересы и дружбу с Англией за Дарданеллы, он должен уйти»²⁹.

Путешествие по европейским столицам не принесло успеха министру. Вопреки его ожиданиям, идея конференции натолкнулась на сопротивление держав. Австрия стояла на том, что вопрос о судьбе Боснии и Герцеговины не подлежит обсуждению. Турция опасалась, что на конференции от нее потребуют новых территориальных уступок. Но самым неприятным и неожиданным было поведение Англии и Франции, на поддержку которых так рассчитывал Извольский. Министр писал из Лондона Чарыкову: «...лично для меня обстоятельства, конечно, сложились очень невыгодным

образом, и мне приходится серьезно думать о возможности оставления мною поста»³⁰.

Слухи о неблагоприятном исходе переговоров, проведенных Извольским в европейских столицах, проникли в печать и повлияли на ее настрой. «Биржевые ведомости» писали: «Русская бюрократия, в лице дипломатии, осрамилась на славянском вопросе и потерпела крушение не хуже, чем под Мукденом. Спасти славянскую идею должен теперь народ»³¹. От министра иностранных дел ждали объяснений с трибуны Государственной думы, возобновившей работу после летних каникул. Ему напомнили: «...русская внешняя политика в настоящее время делается вовсе не одною русской дипломатией, а наоборот, ставит ее, дипломатию, в необходимость искать опоры в стране... восточный кризис должен вступить в новый фазис развития именно с того дня, как правду... узнает русское народное представительство из уст руководящего министра»³².

На первом же заседании Думы была сделана попытка поднять вопрос об аннексии. В качестве повода воспользовались запретом прений по состоявшемуся накануне докладу профессора А. Л. Погодина «Босния и Герцеговина под оккупацией Австро-Венгрии». Кадет В. А. Маклаков, мотивируя депутатский запрос, выразил обеспокоенность тем, что власть не желает считаться с общественным мнением. Он предупредил, что русское общество не может остаться в стороне от происходящего³³. Речь Маклакова была встречена аплодисментами со стороны центра, левых и части правых, однако организовать обсуждение внешнеполитических проблем депутатам не удалось.

Тогда же была заявлена позиция социал-демократов. В. И. Ленин в статье «События на Балканах и в Персии», опубликованной газете «Пролетарий», объяснял происходившее, с одной стороны, как проявление конкуренции капиталистических держав, «желающих “урвать кус” и расширить свои владения и колонии», а с другой — как «боязнь самостоятельного демократического движения среди зависимых или “опекаемых” Европой народов». Сопоставив факты свиданий и переговоров министров иностранных дел и глав государств с последующими событиями, Ленин пришел к выводу: «Перед выступлением Австрии и Болгарии все существенное было уже переговорено самым конспиративным и непосредственным образом, при личном свидании королей и министров... Воротили внешней политики европейских государств, Извольские, Эрентали

и вся эта банда коронованных разбойников со своими министрами нарочно бросила кость печати: грызитесь, господа, пожалуйста, из-за того, кто кого надул и кто кого обидел, Австрия ли Россию, Болгария ли Австрию и т. д., кто “первый” начал рвать Берлинский трактат, кто и как относится к плану конференции держав и прочее тому подобное»³⁴.

Совет министров, собравшийся 25 октября, должен был решить вопрос, стоит ли Извольскому разъяснить сложившуюся ситуацию депутатам Государственной думы. Многие участники совещания посчитали такое выступление нецелесообразным. Министр торговли и промышленности Н. А. Остроградский рассуждал так: «Опирайтесь на левых, левее кадетов, невозможно; опираться на кадетов тоже не пристало, и им не нужно давать векселя, которые они не преминут учесть с ростовщическими процентами. Теперь даже правые в Государственной думе не сочувствуют Министерству иностранных дел». Такого же мнения придерживался министр юстиции И. Г. Щегловитов: «Выступление в Государственной думе может навлечь неисчислимые осложнения, и предугадать их заранее невозможно, хотя бы все лидеры в том клялись. Так как уверенности в отсутствии скандала не может быть, то лучше и необходимо не выступать»³⁵. П. А. Столыпин считал, что к подобным выступлениям надо прибегать лишь в исключительных случаях, когда они обещают успех правительству. Министр финансов В. Н. Коковцов высказался за выступление, «но, конечно, с предварительной инсценировкой». В итоге было решено оттянуть выступление в Думе, а тем временем подготовить почву³⁶.

Кое-какие шаги в этом направлении уже были предприняты накануне совещания. А. И. Гучков, следуя обещанию, данному им Н. В. Чарыкову, еще раз выступил перед членами клуба «17-го октября». 22 октября он посвятил их в некоторые подробности, которые должны были объяснить действия А. П. Извольского в вопросе об аннексии Боснии и Герцеговины. Гучков рассказал об обязательствах, принятых Россией еще при Александре II и Александре III и ныне связывающих руки российской дипломатии, и предостерег от чрезмерного выражения симпатий к славянам, возбуждающих общественность. Гучков предупредил своих сторонников, что Извольский сможет выступить в Государственной думе, если только будет уверен, что депутаты воздержатся от скандала. Убеждая их не выступать резко против министра иностранных дел, он предупредил, что «левые пойдут об руку с край-

ними правыми для обструкции». Кроме того, Гучков дал понять собравшимся, что военные и морские силы страны находятся не в самом лучшем состоянии. Но лидеру октябристов удалось убедить не всех. Профессор Л. А. Камаровский, оставивший в своем дневнике запись об этом заседании, выступил с особым мнением. Он считал, что образ действий австрийцев должен быть осужден публично, а потому вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины следует обсудить на международной конференции. Камаровский также настаивал на праве общественного мнения свободно высказывать сочувствие славянам. От Государственной думы он также ожидал официального протеста. Камаровского поддержал профессор Лопатин. В целом же собрание высказалось за величайшую осторожность и воздержанность России, «не имеющей теперь, к сожалению, бронированного кулака в кармане»³⁷.

Не бездействовал и сам Извольский. В печать попали сведения о том, что министр ежедневно принимает наиболее влиятельных депутатов Думы. Результатом было заявление одного из руководителей партии кадетов В. А. Маклакова о том, что необходимо продемонстрировать Европе единство правительственной власти со страной. «Вмешательство Государственной думы во внешнюю политику может у нас произойти не столько в виде *контроля*, сколько в виде *поддержки* правительства, когда вследствие международных осложнений правительство почувствует потребность опереться на общественное мнение»³⁸. Но условием такой поддержки должен быть отказ от признания аннексии Боснии и Герцеговины.

31 октября А. А. Гирс пригласил к себе для беседы председателя Государственной думы Н. А. Хомякова, а также влиятельных депутатов В. А. Бобринского, А. И. Гучкова и В. А. Маклакова. Познакомив гостей с общей международной обстановкой, Гирс особо остановился на славянском вопросе. Он указал на пагубность увлечения крайним национализмом вопреки истинным интересам государства. Россия пока не готова к схватке с главным врагом славянства, поэтому «обнадеживать домогательства сербов мы не имеем права». Но убедить собеседников Гирсу не удалось. Несмотря на разницу в политических взглядах и убеждениях, все приглашенные высказались решительно и определенно против признания акта аннексии Боснии и Герцеговины. Хомяков отметил, что именно так настроено, насколько ему известно, большинство депутатов³⁹. Несколько дней спустя «Новое время»

откликнулось на совещание у А. А. Гирса: «Опыт показал, что ни Н. А. Хомяков, ни другие октябристы не поддались на ласковые убеждения оставить свою точку зрения и санкционировать аннексию. Зная таланты соответственного дипломата, мы убеждены, что ни один из важных аргументов в пользу А. П. Извольского не был... ни упущен, ни слабо развит. Все, что можно сказать, конечно, было сказано, — и с думской трибуны А. П. Извольский не сумеет проаргументировать сильнее»⁴⁰. Министру иностранных дел нечего сказать Думе, сделала вывод суворинская газета.

Другая группа представителей общественности собралась в тот же день в зале Литературно-художественного кружка для обсуждения реферата Г. Н. Трубецкого «Основы русской политики на Ближнем Востоке и славянский вопрос». В дискуссии приняли участие Е. Н. Трубецкой, С. А. Котляревский, Л. А. Камаровский и Ф. Е. Корш. Было признано, что Берлинский трактат нарушен и требует полного пересмотра, истинная задача России — постановка славянского вопроса в полном объеме. Камаровский предложил провести плебисцит среди населения аннексированных провинций. Действия русской дипломатии были подвергнуты критике. Когда же Е. Н. Трубецкой связал проблему освобождения балканских славян с судьбой поляков в Российской империи, собрание было закрыто полицией⁴¹.

К обработке общественного мнения подключился советник МИД М. А. Таубе. 9 ноября он провел совещание с представителями думского центра, но, по всей видимости, особых успехов не добился⁴².

Между тем в Европе продолжали внимательно следить за попытками министра иностранных дел России найти общий язык с политической элитой страны. Разнообразную информацию с готовностью предоставляли иностранные журналисты, работавшие в Петербурге. Корреспондент «Daily Telegraph» сообщал, что, несмотря на давление, оказанное правительством на журналистов и депутатов, вся русская печать изобилует резкими отзывами о политике министра иностранных дел. Представитель газеты «Globe» телеграфировал из Петербурга: имевшее место по инициативе Извольского совещание некоторых членов Госсовета и Думы с целью повлиять на их позицию в вопросе о Боснии и Герцеговине желаемых результатов не принесло, и положение министра стало еще более затруднительным. Эта же газета сообщала, что в русском обществе нарастает недовольство, вызванное нежеланием

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.	5
----------------	---

Глава I. Геополитические факторы и интересы Российского государства в представлении русских политиков, публицистов и общественных деятелей.....	23
--	-----------

§ 1. «Великая Россия»	23
§ 2. С кем России по пути?	33
§ 3. Славянство и германизм.....	41
§ 4. Черноморские проливы: мечты и реальность	51

Глава II. «Славянское призвание России»	71
--	-----------

§ 1. Идеи славянофилов и их последователи в начале XX в...71	
§ 2. Неославизм в России.....	86
§ 3. Польский вопрос и проблемы славянского единения	93
§ 4. Борьба мнений вокруг украинского вопроса.....	100
§ 5. Славянские съезды и общества	105

Глава III. Боснийский кризис и славянское движение в России	124
--	------------

§ 1. Влияние аннексии Боснии и Герцеговины на развитие славянского объединительного движения	124
§ 2. В двух шагах от войны	143
§ 3. Подведение итогов, размышления о будущем.....	161

Глава IV. Поиск новых путей в славянской политике на Балканах	176
§ 1. Преодоление последствий Боснийского кризиса	176
§ 2. Российский МИД и славянское движение в Европе.....	186
§ 3. Балканский союз и Балканская федерация — полемика вокруг вопроса.....	200
§ 4. Что делать с проливами?	209
 Глава V. Первая Балканская война и подъем движения славянской солидарности в России	222
§ 1. «С нами или без нас, но они, несомненно, пойдут вперед и напролом»	222
§ 2. Русские врачи на Балканах	231
§ 3. Балканская война глазами русских журналистов.....	238
 Глава VI. От больших надежд к горьким разочарованиям..	255
§ 1. На повестке дня Восточный вопрос.....	255
§ 2. Беспощадная воля Европы.....	263
§ 3. Над Балканами снова тучи	274
 Глава VII. Вторая Балканская война: крах идеи славянского единения.....	292
§ 1. Балканское яблоко раздора	292
§ 2. Братоубийственная война и ее последствия.....	300
§ 3. В ожидании большой войны.....	312
§ 4. Перед роковым шагом	323
 Заключение	340
Примечания.....	345
Именной указатель.....	375